

ЯЗЫК АФРИКА ФУЛЬБЕ

Сборник научных статей в честь
Антонины Ивановны Коваль

Составители В.Ф.Выдрин, А.А.Кибрик

Отдельный оттиск

«Европейский Дом»

Санкт-Петербург — Москва

1998

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ДИАЛЕКТА ДЕРЕВНИ НИНИЛЧИК (АЛЯСКА)

*Моей маме,
моему первому
учителю лингвистики*

1. ПРЕДЫСТОРИЯ ПРОЕКТА

В июле 1995 года, во время летней школы Лингвистического общества Америки в Альбукерке, у меня впервые возник план лингвистической поездки на Аляску. К этому времени уже более 10 лет я интересовался атабаскскими языками – а большая часть языков этой семьи распространена на Аляске. План поездки подробно обсуждался с Майклом Крауссом, директором Центра по изучению коренных языков Аляски. Тогда я впервые услышал от Краусса, что на Аляске по крайней мере в одном месте – в деревне Нинилчик – со времен Русской Америки сохранились носители русского языка.

Поездку на Аляску удалось реализовать весной – летом 1997 года. Основной целью этой поездки было изучение верхнекускоквимского атабаскского языка (Upper Kuskokwim Athabaskan) в деревне Николай в центре Аляски. Однако мы с моей женой Мирой Бергельсон решили, что не можем упустить шанс услышать русскую речь аляскинских старожилов и должны посетить деревню Нинилчик.

Разумеется, мы хотели посетить ее не просто как туристы, а с некоей лингвистической программой – зафиксировать особенности данного диалекта. Надо иметь в виду, что в условиях Америки, и Аляски в частности, такого рода полевая работа включает в себя трудности, которые не столь явны при работе в Африке или, скажем, на Кавказе. Я имею в виду, в первую очередь, значительную закрытость индейцев и других этнических меньшинств Америки для праздного (с их точки зрения) интереса лингвистов, антропологов и прочих исследователей, а также политизированность этнических общин. Скажем, невозможно просто свалиться на голову жителей индейской резервации и рассчитывать, что они тут же начнут “выдавать”

тебе ценную информацию. То же касается и многих других этнических и религиозных меньшинств – таких, как, скажем, староверы или меннониты. В Америке люди, являющиеся “объектом” научного исследования, попросту лишены мотивации быть информантами. Любопытство со стороны ученых их эмоционально не вдохновляет – этого уже было слишком много. В пропаганде их специфики они обычно не заинтересованы. Они часто подозревают, что антропологи и лингвисты наживаются за их счет. Они начинают относиться к своей культуре и языку как к своей собственности (зачастую единственной), которую они никому не отдадут, а если и отдадут, то не задаром. А в условиях Аляски с ее очень высокими ценами иногда оказывается, что они не готовы работать ни за какие деньги (в буквальном смысле).

По этим причинам нам было ясно, что мы не можем просто появиться в Нинилчике в удобное для нас время и рассчитывать, что сможем хоть с кем-то продуктивно поговорить. Поэтому мы начали искать необходимые контакты. Надо иметь в виду, что этими поисками мы занимались, находясь в самом глухом месте, какое вообще можно найти в Северной Америке – в аляскинской деревне Николай, связанной с внешним миром только рейсами шестиместного самолета (см. [Бергельсон 1997]). Но там была телефонная связь – правда, она иногда загадочно исчезала, и это объяснялось еще более загадочными пятнами на солнце. Благодаря этой телефонной связи и нашему модему, мы переписывались с внешним миром по электронной почте.

От Майкла Краусса нам было известно, что в 80-е гг. нинилчикским русским языком занимался ирландский славист Конор Дейли, который был тогда аспирантом Джоханны Николс в Беркли. Дейли написал несколько небольших интересных статей, которые, к сожалению, не были опубликованы [Daly 1985, 1986]. В этих работах Дейли писал об умирании аляскинского русского языка, а также о некоторых его особенностях – в частности, потере грамматического рода; одна из работ называется “Евонай мать весь ночь television караулил” (в стандартном русском это было бы: “Его мать всю ночь смотрела телевизор”). Нам удалось связаться с Дейли, сейчас работающим в Дублине, но он давно потерял свои контакты в Нинилчике.

Мы также знали о человеке по имени Уэйн Леман – лингвисте из Летнего лингвистического института, живущем в Монтане и занимающемся алгонкинским языком шайенн. Леман родом происходит из Нинилчика (хотя сам русского языка не знает, как и все люди его поколения), является ярким патриотом родной деревни и с 80-х годов занимается подготовкой и изданием своеобразного биографического альманаха о нинилчикских семьях “Дети Аграфены” – первое издание см. в [Leman (ed.) 1993] (Аграфена – эскимосская женщина, от которой так или иначе происходят все основные

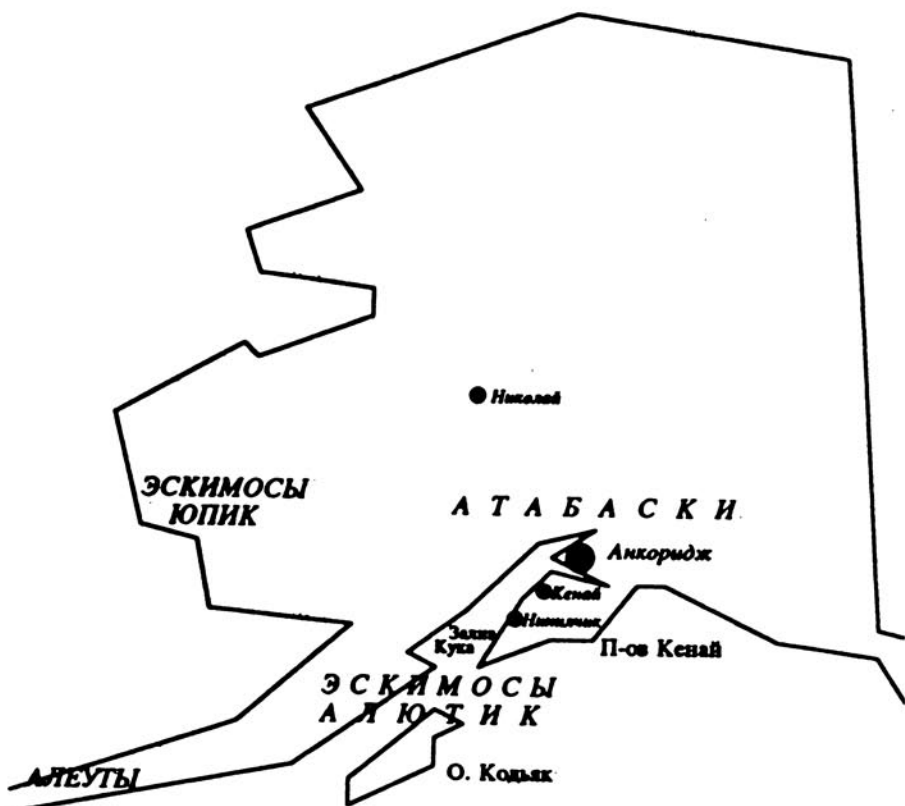
нинилчикские семьи; см. раздел 2 ниже). Мы связались с Леманом, и он пришел в неимоверный восторг от идеи, что русские лингвисты могут заняться языком его деревни. С Леманом переписывалась в основном Мира (я был занят работой над атабаскским языком), и он буквально забросал ее (и наш компьютер) различной информацией о Нинилчике и его жителях; он присылал фрагменты из “Детей Аграфены” и длинные списки слов (правда, в очень условной транскрипции, ориентированной на английскую орфографию и английское ухо). Миру Леман называл не иначе как “our God-sent Miga” (а в устах миссионера это что-то да значит).

Уэйн Леман связал нас со своей родственницей по имени Бобби Осколкофф. Бобби – еще одна энтузиастка местной истории и традиций, правда, проживающая, в отличие от Лемана, на Аляске, неподалеку от Нинилчика (в городе Кенай). Бобби также загорелась идеей нашего приезда в Нинилчик, хотя бы и на две недели. Она сумела обеспечить финансирование нашей поездки и нашу доставку из Анкориджа – главного города Аляски, откуда нам предстояло долететь на самолете из нашей деревни Николай.

2. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ НИНИЛЧИКА

В течение первых двух третей XIX в. территория, ныне именуемая Аляской, принадлежала России и называлась “Русская Америка” (см., например, [Ляпунова 1994]). Русская Америка управлялась своеобразной государственно-коммерческой структурой, носившей название “Российско-Американская Компания” (РАК). РАК была создана в конце XVIII в. купцами и промышленниками, а позже перешла в военно-морское управление. РАК имела монополию на все коммерческие операции (промысел пушного зверя и торговля) на территории Русской Америки; распространение культурного и религиозного влияния русских среди местного населения также происходило при содействии РАК.

Число этнических русских в Русской Америке никогда не превышало тысячи человек. Многие русские промышленники и служащие РАК женились на алеутских, эскимосских и индейских женщинах. В результате возник особый социальный слой “креолов” – людей смешанного происхождения, занимающих промежуточный статус между русскими и туземцами.

Схематическое изображение Аляски; примерный масштаб — в 1 см 60 км

В середине XIX в. встал вопрос о том, что некоторые служащие РАК после выхода на пенсию не могли или не хотели возвращаться в Россию; для таких людей и их семей было основано поселение Нинилчик на полуострове Кенай, на берегу залива Кука, в устье реки Нинилчик. Кенай был в Русской Америке одним из изначальных ареалов колонизации. В первое

десятилетие существования РАК ее центр находился поблизости от Кеная на острове Кодьяк (см. схематическую карту Аляски).

Нинилчик был основан в 1840-е гг., и первоначально там поселилось пять семей. Главные из них, и по сей день имеющие множество потомков – это фамилии Квасников и Осколков. Мужчины – первопоселенцы Нинилчика были в большинстве приезжими из России, а их жены – эскимосками-аляутих или креолками с острова Кодьяк [Arndt 1993]. Территория вокруг Нинилчика была заселена атабасками-дена'ина, но контакты с ними, по-видимому, не сыграли определяющей роли в формировании своеобразной нинилчикской общности. Поселенцы стали заниматься охотой, рыболовством и земледелием, население деревни быстро росло и к 1890 г. достигло 81 чел.

В 1867 г. русские владения в Америке были проданы США, и в течение нескольких десятилетий после этого жители Нинилчика жили в относительной изоляции. Правда, до 1917 г. существовала связь с Россией через церковь – из России присылались священники, при церкви функционировала русская школа.

С 1930-х гг. началось активное освоение данного ареала американцами. В Нинилчике открылась англоязычная школа, которая, мягко говоря, не приветствовала использование русского языка. В течение этого десятилетия в Нинилчике, вероятно, произошел резкий социолингвистический сдвиг: дети перестали усваивать русский язык как первый. В 1950 г. было построено шоссе, проходящее через весь Кенайский полуостров, в том числе через Нинилчик. Нинилчик стал туристической зоной, местная специфика все быстрее стиралась.

В настоящее время есть еще десятка два-три людей старшего поколения родом из Нинилчика, являющихся носителями местного варианта русского языка.

3. СЛОВАРНЫЙ ПРОЕКТ

При содействии и отчасти по инициативе Уэйна Лемана и Бобби Осколковф, М.Б.Бергельсон и я решили предпринять небольшой словарный проект – описать именную словарь нинилчикского русского. Люди возраста Уэйна и Бобби уже не владеют местным вариантом русского языка и ничего не знают о стандартном русском. Поэтому для них интерес представляла в первую очередь именная лексика – как отпечаток дорогих им, но ушедших в прошлое реалий. Хотя с точки зрения нашего лингвистического интереса более центральными могли казаться другие аспекты языка, мы реши-

ли заняться тем, на что был "социальный заказ", тем более что на всю эту работу у нас было две недели – первая половина июня 1997 г.

Вместе с нашими детьми мы прибыли в городок Кенай, где живет Бобби Осколкофф со своим мужем Арни (фрагментарным носителем русского языка). В качестве места обитания и одновременно средства передвижения нам был выделен так называемый motor home – автобус, внутри которого находятся спальня, кухня, ванная и все необходимое для кочевой жизни. Автобус принадлежал Дарилу Уайту, старосте кенайской православной церкви, активной прихожанкой которой является Бобби Осколкофф. В этом автобусе мы должны были разъезжать по всей обширной территории от Кеная до Нинилчика, где разбросаны владения оставшихся носителей местного русского диалекта.

При посредничестве Бобби, а позже также Джоан Джакински, мы познакомимся со следующими носителями русского диалекта:

Луи Квасникофф

братья Харри и Ник Леман и их сестра Бетти Портер

Ларри Осколкофф

Алис Боуэнс

Лео Стайк

братья Эдвард, Уолтер и Джордж Джакински

супруги Мэй и Сесил Демидов

Самым молодым полноценным носителем является, по-видимому, Бетти Портер (63).

В течение примерно десяти дней работы М.Б.Бергельсон и мной было собрано более 1000 единиц именного словаря. Именная лексика нинилчикского диалекта оказалась не слишком богатой, и этот результат вряд ли было бы возможно удвоить. В процессе сбора слов в качестве рабочего инструмента мы использовали словарь атабаскского языка дена'ина, составленный Джеймсом Кари [Kari 1994]. Подробное описание нашего словарного проекта не входит в задачи этого очерка. Уэйн Леман и Бобби Осколкофф имеют планы публикации именного словаря. Отмечу лишь, что 78% вокабул оказались идентичными нормативному русскому (за исключением фонетических модификаций), но было найдено по несколько десятков слов следующих категорий: диалектных слов; слов, обычных в XIX в., а ныне устаревших; слов, подвергшихся местной модификации – семантической или морфологической; местных инноваций. Нашлось всего около двух десятков английских заимствований, а заимствования из языков дена'ина и аляутик исчисляются лишь единицами.

Ниже я коснусь двух аспектов ниничикского диалекта (далее – НД), которые были исследованы попутно со словарной работой: в разделе 4 – особенностей фонетической системы НД, а в разделе 5 – специфики грамматического рода в НД.

4. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В процессе словарной работы для НД нами была разработана транскрипция на латинской основе, которая в основе своей является фонемной, но содержит некоторые уступки в сторону практически ориентированной орфографии. Создавая эту транскрипцию, мы исходили из того, чтобы ею могли пользоваться представители молодого поколения, интересующиеся НД. Использование кириллической записи было исключено, так как незнакомый алфавит оказался бы непреодолимым препятствием почти для любого потенциального пользователя.

Вот система фонем НД.

Гласные:

i u
e o
a

Согласные:

			Губ- ные	Зуб- ные	Альве- оляр- ные	Задне- языч- ные
ШУМ- НЫЕ	Смычные	звонкие	b b'	d d'		g [g']
		глухие	p p'	t t'		k k'
	Аффрикаты			ts	ch	
	Фрикативы	звонкие	w w'	z z'	zh	
		глухие	f [f']	s s'	sh	h [h']
СОНОР- НЫЕ	Носовые		m m'	n n'		
	Глайды				r r'	y
	Латералы			l l'		

В квадратных скобках указаны фонемы, которые, вероятно, имеются, но не были точно засвидетельствованы. Согласные фонемы стандартного русского языка /v/, /r/ и /x/ могут реализоваться в НД так же, как в стандартном русском. Однако более распространенными реализациями для них яв-

ляются соответственно [w] (билабиальное), [ɹ] (ретрофлексное) и [h] (фарингально-ларингальный звонкий фрикатив). Наиболее очевидная гипотеза о происхождении этих фонетических инноваций – влияние английской фонетики. По-видимому, это верно для [ɹ]. Что касается [w], то такое объяснение не проходит, поскольку в английском есть противопоставление w/v, и кроме того, по свидетельству молодых жителей Нинилчика (не владеющих русским), нинилчичский акцент в английском языке – это тоже произнесение [w] на месте /v/ (то есть смешение двух английских фонем!).¹ Другой язык, который мог оказать влияние на фонетику НД – это алютик, эскимосский язык, вероятно, известный женам первопоселенцев или даже родной для них. Однако и в нем, согласно [Вахтин 1997], есть фонемный контраст w/v. Приходится признать, что звук [w] – внутрисистемная инновация НД. Что же касается [h], то английское происхождение этого звука маловероятно, так как по качеству он не похож на английское [h]. Эскимосская гипотеза также не подтверждается, т.к. в алютик есть, согласно [Вахтин 1997], веларный и увуларный фрикативы, но нет более задних.

Самые яркие фонетические особенности НД лежат в области позиционной нейтрализации согласных по твердости/мягкости. Упорядочение этих особенностей, несколько варьирующих по идиолектам, но в целом достаточно устойчивых, было главным препятствием в процессе разработки транскрипции. Особенности эти подытожены в следующей таблице.

	Перед а, о, и	Перед е	Перед і	В конце слова	
Дрожащие	Р (1)	Т (2а)	М (3а)	Т (4а)	
Губные				Р (4б)	
Зубные фрикативы					
Зубные смычные и носовые					
Латералы		М (2б)	Р (3б)		

В таблице символом Т обозначены всегда твердые фонемы, М – всегда мягкие, Р – разные (т.е. нейтрализации нет). Цифры в скобках отсылают к нижеследующим примерам. Различаются четыре релевантных контекста, соответствующих четырем столбцам таблицы. Разные согласные ведут себя по-разному в разных контекстах. Выделяется пять релевантных классов со-

¹ Вообще, сильная интерференция английского языка в НД сомнительна, так как период активного русско-английского двуязычия в Нинилчике не был слишком продолжительным. Тотальный переход на английский язык, по-видимому, произошел стремительно.

гласных с точки зрения их склонности к нейтрализации (строки таблицы). Остальные согласные по твердости/мягкости не дифференцированы (*ts*, шипящие, *y*) или дифференцированы периферийно (заднеязычные).

Наименее нейтрализующий контекст – перед гласными *a*, *o*, *u*. Даже самые склонные к нейтрализации (см. ниже) дрожащие и губные различаются по мягкости в этой позиции.

- (1) *bát'ushka* – *mátushka*; *rak* 'краб' – *r'ápchik*

Наиболее нейтрализующая позиция, как и в стандартном русском языке – перед гласной *e* (как и в стандартном русском, *e* может быть только ударным; без ударения морфологическое *e* редуцируется в *i*; см. следующий абзац). Однако в отличие от стандартного русского языка, дрожащие, губные и зубные фрикативы перед *e* – не мягкие, а твердые. НД имеет смешанную диалектную основу, и, возможно, данное явление является южно-русским или даже украинизмом. (В НД отмечаются и лексические украинизмы – например 'был', 'забыл' в большинстве идиолектов НД – это *bul*, *zabúl*.) Примеры:

- (2) *a. s'étká* 'рыболовная сеть' *b. d'en'*

Позиция перед *i* является сильнейшей нейтрализующей – единственная пара согласных, которые различаются перед ней по твердости/мягкости – это *l/l'*:

- (3) *a. t'i* 'ты', *(y)az'ík* 'язык' *b. balík* 'балык' – *bal'ít* 'болит'

Наконец, позиция в конце слова является нейтрализующей только для губных и дрожащих, а прочие согласные в ней противопоставлены:

- (4) *a. puz'ír* 'пузырь', *tsep* 'цепь' *b. s'ín* 'сын' – *d'en'*

Позиции в конце закрытого слога в принципе устроены так же, как в конце слова, но в них могут быть некоторые нюансы, которые не были подробно изучены, например, влияние начального мягкого следующего слога.

В некоторых идиолектах наблюдаются отклонения от описанной системы – так, есть носители, у которых встречается только твердое *r* (белорусизм?) – *trápachka* 'тряпочка'; у других носителей дрожащие и зубные смычные всегда мягкие перед *u*: *star'úha* 'старуха', *n'úzhn'ík* 'нужник' – при обычных *star'úha*, *núzhn'ík*²; у некоторых носителей мягкие губные

² Любимое слово в Ниничике; для людей молодого поколения оно иногда единственное русское слово, которое им известно.

Иотируются: *bab'ór* ~ *babuór* 'бобёр'. Для некоторых идиолектов характерно также факультативное позиционное оканье (рядом с губными, особенно *w*, и рядом с *i*: *chollowék* ~ *chalowék* ~ *chilawék*. Иногда отмечалось также факультативное, но тем не менее труднообъяснимое этимологическое оканье, например, *zas'ói* ~ *sos'ói* 'сосёт'.

5. Род

5.1. Как уже упоминалось выше, Конор Дейли указал на тенденцию исчезновения рода как грамматической категории в НД. Сомнения в том, что Дейли прав, у нас отпали, когда в первый день нашей работы Арни Осколкофф, глядя в окно на подъезжающую машину, задумчиво сказал: "Мой дочь пришел". Согласно предположению Дейли, деградация категории рода началась в Нинилчике в поколении детей первопоселенцев, поскольку их матери не владели русским языком; кроме того, по мнению Дейли, деградация рода – это прогрессирующий процесс, соответствующий общей тенденции разложения и умирания языка и непосредственно связанный с русско-английским билингвизмом в Нинилчике. Однако мне представляется более верной несколько иная трактовка. Грамматический род в НД претерпел существенную мутацию, но, вероятно, этот процесс начался до основания Нинилчика или примерно одновременно с этим, и, более того, категория рода уже довольно давно достигла нового качества, в котором после этого и пребывала. Эту новую систему я и попытаюсь очертить ниже. При этом я буду обсуждать только один синтаксический контекст, в котором проявляется русский род – атрибутивное согласование. Этот выбор объясняется, во-первых, тем, что по данному контексту я имею наибольшее количество данных, и во-вторых, тем, что другие контексты – предикатное согласование (как глагольное, так и адъективное) и местоимения 3 лица – характеризуются большей "сохранностью" рода, т.е. близостью к общерусскому прототипу. В этом можно убедиться по следующим предложениям, произнесенным Бетти Портер:

(5) *náshiy láyda haróshaya* 'Наш берег хороший'

(6) *aná m'in'é kn'lgú dála* 'Она мне дала книгу'

В примере (5) видно, что согласование по женскому роду нейтрализовано в пользу мужского (немаркированного) варианта в атрибутивной позиции, но сохранено в адъективном сказуемом. (Подлежащее этого предложения *лайда* – севернорусское диалектное слово финского происхождения, означающее 'beach, пляж, заливаемая приливом полоса морского берега' и

принадлежащее к женскому роду.) В примере (6) видны два другие контекста, в которых род сохранен – в глагольном сказуемом и в анафорическом местоимении.

Ниже, в разделах 5.4 и 5.5, описывается система употребления рода, как она предстает в идиолектах лучших носителей НД. Но перед этим, в разделах 5.2 и 5.3, излагаются два аргумента в пользу гипотезы, что род в аляскинском русском начал видоизменяться давно, что этот процесс был общим для русско-американского диалекта (а не специфическим для НД) и это не есть явление этапа языковой смерти.

5.2. В коренных языках Аляски есть десятки заимствований из русского языка. В этих заимствованиях отражается тот русский язык, на котором говорили служащие РАК в начале и в середине XIX века. Многие слова, перешедшие в языки Аляски, являются диалектными (так, например, в язык дена'ина перешло вышеупомянутое слово *лайда*), или арханзмами (с точки зрения сегодняшнего языка) – таково, например, выражение XIX в. *на вышке* 'на верхнем этаже', заимствованное в атабаскский язык коюкон [Axelrod et al. n.d., 6]. Отдельные слова вообще приходится реконструировать как лексемы русско-американского диалекта XIX в. Таково, например, слово *струж* 'рубанок', которое было заимствовано в целый ряд эскимосских и атабаскских языков [Krauss et al. n.d., 75]. В XIX в. родовым термином для слов *рубанок*, *фуганок*, *шерхебель* и др. было слово *струг* [Даль 1956-IV, 340]. Однако форма *струж* Далем не зафиксирована. Материал аляскинских языков, однако, ясно свидетельствует, что русские в XIX веке в Америке говорили именно *струж*.

Таким способом реконструировать можно, в принципе, не только лексику, но и отдельные элементы грамматики, отражавшиеся в устойчивых сочетаниях русско-американского диалекта XIX в. По счастью, имеется единственный, но красноречивый пример, показывающий, что уже в XIX в. в русско-американском диалекте слова женского рода переходили в мужской. В языке коюкон, распространенном в бассейне реки Юкон в тысяче километров к северу от Нинилчика, зафиксировано русское заимствование *bdgi sol* с неопределенным переводом 'некоторый вид соли' [Axelrod et al. n.d., 4]. Представляется бесспорным, что это отражение русского словосочетания *мелкий соль*. Если принять эту гипотезу, то отражение русских фонем в коюконском выражении достаточно стандартно. Вывести же *bdgi sol* из *мелкая соль* невозможно, т.к. коюконское *i* в русских заимствованиях может отражать только *и(й)* или ударное *е*, а окончание *-ая* должно было бы быть отражено другими сегментами и, скорее всего, двумя слогами. Отсюда

следует, что уже в XIX в. существовал распространенный не только в районе Кенайского п-ва, но и по всей Русской Америке, диалект русского языка, в котором слова типа *соль* утратили женский род. Вероятно, это явление можно отнести к диалекту креолов и/или туземных женщин (матерей креолов), для которых русский язык был неродным.

5.3. Именной словарь НД содержит целый ряд терминов, представляющих собой устойчивые, лексикализованные атрибутивные сочетания "прилагательное + существительное". Так, в НД отмечены некоторые названия животных, построенные по этой модели. Американская малиновка называется *krásnaya br'úshka*. Фонетически это словосочетание могло бы быть среднего или женского рода, но поскольку среднего рода в НД заведомо нет (см. раздел 5.4 ниже), то это женский род. С другой стороны, морская рыба скат в НД метафорически именуется *marškóy cháyka*. Представляется, что это различие должно отражать историю возникновения данных терминов. В словаре Даля отмечено слово *краснобрюшка* – сибирское название кулика [Даль 1956-II, 188]. С точки зрения русской языковой интуиции кажется вполне возможным, чтобы термин *краснобрюшка* мог иметь вариант *красное брюшко*. Тогда русским, оказавшимся в Америке, достаточно было применить его к новому для них виду птицы (американская малиновка в Евразии не живет). Значит, термин *krásnaya br'úshka* сохранялся в НД более 100 лет с женским согласованием, и процессы, происходившие в области категории рода, не требовали изменения согласования в этом термине.

Что касается нинилчического *marškóy cháyka*, то в словаре Даля никаких намеков на такое словосочетание нет, хотя приводятся названия очень многих морских животных, основанные на модели "морской/морская + имя сухопутного зверя/птицы". Вероятно, данное название ската было создано уже носителями русско-американского диалекта, после модификации категории рода. Естественно предположить, что название вида рыбы было создано не на этапе языковой смерти, а тогда, когда русско-американское сообщество возникало и адаптировалось к местным природным условиям – т.е. в середине XIX в. Эти факты снова подсказывают, что модификация категории рода произошла в русско-американском диалекте на раннем этапе. Если бы скат был первоначально назван *морская чайка*, а затем, в процессе исчезновения рода, согласование поменялось бы на мужское, то такого же процесса следовало бы ожидать и в словосочетании *krásnaya br'úshka*; однако этого не случилось.

Другой класс устойчивых атрибутивных сочетаний – это топонимы. В нинилчских топонимах с существительным женского рода встречаются атрибуты как с женским согласованием (*stáraya réchka* – название старицы), так и без него (*mán'in'koy réchka* – Маленькая Речка). Мы опять наблюдаем ту же картину: из поколения в поколения передавались окаменевшие словосочетания с разными согласовательными моделями. Естественно предположить, что топонимы возникли с самого начала освоения Нинилчика. Чем объяснить разные согласовательные модели? Известно, что среди первопоселенцев Нинилчика были и люди из России, и креолы. Вероятно, различие в топонимах объясняется авторством этих топонимов.

5.4. Перейдем к описанию родового согласования как такового – в том виде, как оно представлено в идиолектах лучших носителей. Начнем со среднего рода. Средний род исчез в НД полностью. Это явление известно в ряде русских диалектов; вообще, в индоевропейских языках разрушение родовой системы обычно начинается со среднего рода. По-видимому, достаточно точно утверждение, что средний род смешался с женским (в силу неотличимости безударного окончания номинатива -а). Уже на основе этого смешения слова, исходно принадлежащие к среднему роду, наряду со словами исходного женского рода, получили способность сочетаться с атрибутами в мужской (немаркированной) форме (см. раздел 5.5). Слова исходного среднего рода зафиксированы с атрибутами как женского, так и мужского рода: *t'ésnaya slóva* 'честное слово', но *s'iróy m'ása* 'сырое мясо'. Даже при ударном окончании среднего рода -ó возможно вариативное согласование: *pt'íchiy gn'izdó*, но *varón'ya gn'izdó*. Эта вариативность объясняется так же, как для слов исходного женского рода – см. раздел 5.5.

В местоимениях 3 лица, напротив, в НД имеется трехродовая система, независимая от грамматического рода и, видимо, идентичная английской модели (но не обязательно с ней генетически связанная). В соответствии с семантическим родом, *on* применяется к одушевленным референтам мужского пола, *aná* – к референтам женского пола. При дейктической и анафорической референции к неодушевленным референтам используется форма *éta*.

5.5. Выше упоминалось употребление *moy doch*. На вопрос, можно ли сказать *mayá doch*, хорошо владеющие языком информанты отвечают уверенным "да". В то же время, неодушевленные слова так называемого 3-го склонения – *sol'*, *pat'* 'падь, луг', *ladón'* – требуют согласования только по мужскому роду. Слова женского рода 1-го склонения на -а ведут себя неоднородно. Обозначающие людей слова типа *bába* 'женщина' требуют согла-

сования по женскому роду; согласно нашему лучшему информанту (Луи Квасникофф), неправильно выражение **durnóy bába*, надо *durnáya bába* 'глупая женщина'. Отмечены субстантивированные прилагательные женского рода *w'ihódnaya* 'беременная женщина', *swabódnaya* '[чья-то] подруга, girlfriend'.

Неодушевленные же слова на *-a* допускают вариативное согласование: отмечено *r'ib'ichiy uhá* 'уха из рыбы', но и *matáina uhá* 'уха из мамаев' (*matái* – заимствованное из эскимосского название моллюсков, играющих очень большую роль в диете жителей Нинилчика). Речь идет не о том, что одни прилагательные предпочитают согласование по мужскому роду, а другие – по женскому, просто с одним и тем же существительным в разных случаях были зафиксированы разные согласовательные модели. Еще примеры: *moy shápka*, *zádnay nagá*, *pustóy katúshka*, но *haróshaya rabóta*, *bánashnaya p'isht'a* 'консервы', *shwéynaya mashína*.

Таким образом, в НД при определении рода как согласующего признака существительного по отношению к атрибуту играют роль два параметра – формальный и семантический. Женский род конституируется семантическим признаком "женский пол" и формальным признаком "окончание *-a* в именительном падеже ед. числа". Ни один этих двух признаков не является ни необходимым, ни достаточным для определения рода. Многочисленные примеры такого типа многофакторных правил отнесения к именному классу в языке пулар-фульфульде содержатся в недавней работе А.И.Коваль [1997].³

Каждый из двух названных признаков бинарен, следовательно, существуют четыре логические возможности, которые представлены в таблице.

		Женский пол	
		+	–
Окончание -a	+	(i) <i>bába</i> : женский род	(ii) <i>uhá</i> : женский-мужской род
	–	(iii) <i>doch</i> : женский ~ ~ мужской род	(iv) <i>sol'</i> : мужской род

В случае (i), когда оба признака, способствующие присвоению женского рода существительному, присутствуют, в идиолектах лучших носителей НД слово однозначно требует атрибута в женском роде. В случаях (ii) и (iii), когда налицо лишь один из двух благоприятствующих признаков, имеет место варьирование. В случае (iv), когда слово "штрафуется" по обоим па-

³ Есть и прямые аналоги – например, для многих имен класса О в пулар-фульфульде играет роль семантический признак "человек" и формальный признак "отсутствие классного суффикса", типичный для заимствований.

раметрам, оно квалифицируется как однозначно перешедшее в мужской род. К случаю (iv), собственно говоря, относятся и слова исконного мужского рода II склонения.

Справедливости ради следует отметить, что эта система описывает лишь идиолекты носителей, лучше других помнящих русский язык. Вероятно, эта система существовала как весьма устойчивая в течение ряда поколений. На этапе языковой смерти полужызычные носители имеют тенденцию использовать в первую очередь мужское согласование в промежуточных случаях (ii) и (iii), и даже допускают мужской вариант для случая (i), хотя он и для них не является основным. Так что наблюдение Конора Дейли об усугублении деградации рода в НД все же верно. Однако эту деградацию на данном этапе уже трудно отграничить от общей деградации русской языковой компетенции у полужызычных носителей.

6. Заключение

Нинилчикский диалект русского языка занимает совершенно особую позицию в русской диалектной системе. Во-первых, он в течение ряда десятилетий существовал вне всякого контакта со стандартным русским языком.⁴ Во-вторых, НД (подобно многим русским диалектам) находится на грани вымирания, но уступил место не стандартному русскому, а английскому языку. В-третьих, он несет в себе некоторые черты креолизации, происшедшей еще во времена Русской Америки. НД – это уцелевший осколок той языковой системы, которая возникла в Русской Америке к середине XIX в.

Нинилчикский диалект, конечно, изучен далеко не достаточно. Исследование многих аспектов его грамматики еще даже не начиналось. Более того, на Аляске русские диалекты сохранились и еще кое-где – точно известно это об острове Кодьяк и, предположительно, о поселке Русская Миссия.

Русская Америка, история которой была столь краткой и, в конечном итоге, столь нелепой, внесла в универсум русского языка совершенно особый вклад. Достаточно широко известен смешанный русско-алеутский язык острова Медный – очень специфическое явление в типологии контактных языков [Головкин 1997]; Медный – это осколок Русской Америки, оставшийся в границах России. Другой контактный язык на русской основе – русско-китайский пиджин Дерсу Узала [Nichols 1980] – возник в связи с

⁴ Если не считать небольшого “людского” притока из России: в начале XX в. в Нинилчик приехало несколько русскоязычных людей из России, в том числе поляков, но нет уверенности, что они повлияли на НД в целом.

торговой ситуацией вокруг пограничного пункта Кяхта; торговля с китайцами в Кяхте была в XVIII-XIX вв. основным стимулом для русского освоения Америки и ее мехов. И, наконец, уникальный нинилчикский диалект русского языка дополняет эту гамму.

История нинилчикского диалекта захватывает четыре столетия. В конце XVIII в. в Америку двинулись русские промышленники, позже ставшие отцами креолов. В XIX в. креолы превратились в особый социальный класс Русской Америки – по-видимому, со своим специфическим диалектом русского языка. Люди Нинилчика остались наедине с суровой кенайской природой в середине XIX в., шесть поколений назад. Их потомки в условиях мощной ассимиляции сумели пронести свой русский язык через весь XX век, видевший исчезновение десятков языков. Нинилчикский диалект русского языка, прежде чем окончательно отойти в прошлое, успеет застать и XXI век.

Литература

- Бергельсон М.Б. 1997. В краю православных индейцев. / *Итоги*, № 37 (70), с. 57-62.
- Вахтин Н.Б. 1997. Юпикские языки аляски. / В кн.: *Языки мира: Палеоазиатские языки* (под ред. А.П.Володина, Н.Б.Вахтина и А.А.Кирича), с. 86-89. М.: Индрик.
- Головкин Е.В. 1997. Медновских алеутов язык. / В кн.: *Языки мира: Палеоазиатские языки* (под ред. А.П.Володина, Н.Б.Вахтина и А.А.Кирича), с. 117-125. М.: Индрик.
- Даль В.И. 1956. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Коваль А.И. 1997. Именные категории в пулар-фульфульде. / В кн.: *Основы африканского языкознания* (под ред. В.А.Виноградова), с. 92-220. М.: Аспект пресс.
- Ляпунова Р.Г. 1994. О Русской Америке. / В кн.: *Русская Америка* (под ред. А.Д.Дридзе, Р.В.Кинжалова), с. 7-26. М.: Мысль.
- Arndt, Katherine L. 1993. 'Released to reside forever in the colonies'. Founding of a Russian-American Company retirement settlement. In: Leman (ed.), p. 31-46.
- Axelrod, Melissa, et al., n.d. *Koyukon loanwords*. Ms. 9 pp.
- Daly, Conor. 1985. *Russian language death in an Alaskan village*. Paper presented at UCB Linguistics colloquium. 10 pp.
- Daly, Conor. 1986. *Evonaj mat' ves' noč television karaulil – His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian*. Ms. 31 pp.

- Kari, James. 1994. *Dictionary of the Dena'ina Athabaskan language. Vol. 1: Topical vocabulary*. Fairbanks, AK: ANLC. Ms. 333 pp.
- Krauss, Michael, et al. n.d. *A list of Russian loans in Alaskan languages*. Ms. 93 pp.
- Leman, Wayne (ed.) 1993. *Agrafena's children: The old families of Ninilchik, Alaska*. Hardin, Montana: Agrafena Press.
- Nichols, Johanna. 1980. Pidginization and foreigner talk: Chinese Pidgin Russian. / In: *Papers from the International Conference on Historical linguistics*, ed. by E. Traugott et al., p. 397-407. Amsterdam: Benjamins.